

К Р И С Т И Н Ъ

1815-й годъ.

Москва, Среда 21 Апрѣля.

Мнѣ было грустно читать ваше № 15, дорогая княжна, видя, какъ Васъ опечалило извѣстіе о бѣдной м-ше Эверсъ. И я еще болѣе раскаиваюсь въ томъ, что передалъ Вамъ ея слова о 1-мъ Апрѣля, объясненіе которыхъ нахожу въ Вашемъ письмѣ къ ней. Почему Вы не обратились ко мнѣ относительно этой третной уплаты; съ удовольствіемъ выдалъ бы сумму впередъ отъ Вашего имени, и бѣдняжка повѣрила бы мнѣ. Я зналъ, что Вы оплачиваете половину квартиры и жалованія прислугѣ, но не зналъ о уплатѣ по третямъ. Но будьте увѣрены, что она не терпѣла недостатка въ уходѣ и ни въ чемъ иномъ. У мужа ея всегда бывали деньги, но Ваше обѣщаніе остаться для него тѣмъ же, чѣмъ Вы были для жены, послужило бы утѣшеніемъ для бѣдной умирающей, до послѣдней минуты не перестававшей просить меня, чтобъ я не оставилъ достойнаго старика. Она унесла въ лучшій міръ твердую увѣренность, что его не оставятъ: я это обѣщалъ ей отъ Вашего имени и отъ себя.

Вчера утромъ, — во вторникъ въ полдень — я по обыкновенію навѣстилъ ее; у нея руки похолодѣли, и на лбу выступилъ холодный потъ. Я пригласилъ доктора, который успокоилъ меня, говоря, что она проживетъ по крайней мѣрѣ еще сутки. Я оставался у нея долго. Она была въ полной памяти, но говорила съ трудомъ. Я спросилъ ее, не желаетъ ли она чего-нибудь? Она отвѣтила, что чувствуетъ близость смерти, благословляетъ меня и проситъ передать Вамъ, что очень любитъ Васъ, поручаетъ Вамъ мужа и молится за Васъ и за

меня. Я далъ ей выпить вина и съѣсть желе, чтобы подкрѣпить ее; она проглотила, чтобы не огорчить меня, и пожала мнѣ руку. Я ушелъ, пообѣщавъ зайти послѣ обѣда; но не успѣлъ дойти до воротъ, какъ она скончалась безъ судорогъ и страданій.

Шесть часовъ спустя пришло Ваше письмо, и мужъ, заливаясь слезами, прочелъ его у гроба этой прекрасной женщины. Онъ очень достойный человѣкъ; онъ поручилъ мнѣ благодарить Васъ. Бѣдный старикъ не можетъ писать въ данную минуту; сегодня утромъ его лихорадило, и сомнѣваюсь, чтобы онъ на долго пережилъ жену. Эти три бессонныя недѣли, вмѣстѣ съ тревогой, истощили остатокъ его силъ.

10 дней тому назадъ г-жа Эверсъ сказала мнѣ, что завѣщала мнѣ золотой ящичекъ. Я отвѣтилъ тогда то, что можно было сказать въ такомъ случаѣ; и думая, что я отказываюсь, она умоляла принять его изъ ея же рукъ. Я видѣлъ, что обижу ее отказомъ и взялъ; а сегодня утромъ передалъ ящичекъ отъ имени умершей доктору Лонэ, которой въ продолженіе 3 мѣсяцевъ послѣ отъѣзда Оберга и лѣчилъ ее и перевязывалъ ей руки съ величайшимъ вниманіемъ. Однако я при передачѣ спросилъ мнѣнія и согласія г. Эверса, которому выплачу стоимость шкатулки. Я далъ награду служанкѣ, очень хорошо державшей себя, и вообще сдѣлалъ все, что надо было сдѣлать въ данномъ случаѣ. Увѣряю Васъ, что благодаренъ Вамъ за знакомство съ этими прекрасными людьми, примѣръ которыхъ долженъ служить руководствомъ въ жизни, а смерть достойна подражанія. Какую прекрасную душу имѣла эта женщина, и съ какимъ спокойствіемъ и вѣрой предала ее Богу; какая невинность, какая простота, какое великое и трогательное зрѣлище такая кончина праведника, не мучимаго никакими воспоминаніями! Оно утѣшаетъ и поддерживаетъ. Я буду заботиться о старикѣ; не думайте только, чтобы я приписывалъ себѣ заслугу этого намѣренія. Во первыхъ, я люблю этого человѣка, во вторыхъ, чувствую, что стану ухаживать за нимъ изъ эгоизма: чтобы заслужить чью нибудь заботу, когда придетъ моя очередь, ибо величайшее опасеніе моей жизни—состариться въ одиночествѣ, покинутымъ всѣми. Я уже не молодъ; я иностранецъ, одинокій, безъ родныхъ въ этой странѣ. Пока у меня есть ноги, чтобы отыскивать знакомыхъ, ихъ находится сколько угодно; но если случится стать калѣкой.... Кто вспомнитъ обо мнѣ уже черезъ шесть недѣль? Заинтересованные слуги, какая нибудь добрая христіанская душа—вотъ все, на что я могу надѣяться, и эта перспектива заставляетъ меня заботиться о тѣхъ, кто находится въ

моемъ положеніи. Какъ видите, заслуга съ моей стороны не велика. Пишу Вамъ сегодня вечеромъ потому, что завтра утромъ надо отдать послѣдній долгъ m-me Эверсъ. У мужа нѣтъ силъ для всѣхъ этихъ хлопотъ.

Я уже не жду ничего хорошаго отъ Франціи, не рассчитываю ни на какое либо усиліе роялистовъ, ни на гражданскую войну; но возлагаю большія надежды на внѣшнія силы, если державы будутъ продолжать дѣйствовать согласно. Между тѣмъ—какого результата можно ждать, если тѣ же неспособные или коварные совѣтники, подготовлявшіе эту послѣднюю революцію, опять стануть управлять общественными дѣлами!

Княжна Туркестанова.

С. Петербургъ, 19 Апрѣля.

Генераль-адъютантъ князь Волконскій пишетъ сюда Вязьмитинову, что весь югъ Франціи стоитъ за короля, что роялистовъ уже собралось до 150 тысячъ человѣкъ, что герцогъ Ангулемскій идетъ форсированнымъ маршемъ на Гренобль и Ліонъ. Въ другихъ письмахъ изъ Вѣны, отправленныхъ послѣ этого, написанаго 5 Апрѣля стараго стиля, даже говорится о взятіи этого города. Герцогъ Ангулемскій командуетъ центромъ, Сень-Сиръ и Дама—двумя фланговыми корпусами.

Массена разстрѣлянъ 25, только не знаю, кѣмъ; но фактъ, что его нѣтъ на свѣтѣ. Онъ можетъ послужить примѣромъ прочимъ маршаламъ-измѣнникамъ. Есть также очень интересныя подробности о герцогинѣ Ангулемской, державшей себя какъ героиня. 80 тысячъ испанцевъ вступили во Францію и больше всего прочаго повліяли на нерѣшительныхъ.

Такимъ образомъ, храбрая испанская нація еще разъ дала толчекъ поддержкѣ праваго дѣла. Въ Греноблѣ существуютъ три рѣзко разграниченныя партіи, отличающіяся кокардами бѣлой и трехцвѣтной, и красными колпаками. Во главѣ послѣдней стоитъ генераль Груши. Бонапартъ показывается мало и почти не покидаетъ Тюилери; аресты продолжаются; всѣ тюрьмы полны, отданъ приказъ, запрещающій приближаться ближе чѣмъ на 30 лье къ Парижу всѣмъ, служившимъ королю. Если бы королю пришла счастливая мысль принять подобную мѣру противъ всѣмъ извѣстныхъ агентовъ Бонапарта, можетъ быть, дѣло не дошло бы до настоящаго положенія вещей.

Появился австрійскій манифестъ противъ Мюрата; въ немъ перечислены всѣ его вины; не понимаю, почему съ его стороны ожидали иного поведенія? Дерутся въ Тосканѣ и на По. Разсказываютъ, что Веллингтонъ, прощаясь съ Государемъ, говорилъ, что не знаетъ, будетъ ли имѣть успѣхъ въ наступательной войнѣ, но убѣжденъ, что Бонапарту не удастся его вытѣснить изъ Голландіи раньше трехъ лѣтъ. Срокъ нѣсколько отдаленный, но слова успокоительныя въ устахъ такого человѣка, какъ Веллингтонъ. Герцогъ Ришелье, находящійся въ Вѣнѣ, будетъ сопровождать Государя. Этимъ и исчерпываются мои новости.

КРИСТИНЬ.

Москва, 26 Апрѣля.

Какъ жаль, дорогая княжна, что я не могу довѣрять извѣстіямъ, сообщаемымъ княземъ Волконскимъ г-ну Вязмитинову! Онѣ могли бы порадовать и обнадежить меня, но, увы, эти новости не подтверждаются письмами изъ Вѣны отъ 8/20 Апрѣля, прибывшими съ курьеромъ. Онѣ даже опровергаются, и наиболѣе освѣдомленные люди увѣряли, что весь югъ Франціи покорился игу чудовища, и что герцогъ и герцогиня Ангулемскіе принуждены были сѣсть на корабль. Лично я вѣрю всему этому гораздо больше, чѣмъ энергическимъ усиліямъ націи утомленной и неподвижной, зависящей отъ каприза арміи и лично неспособной ни на какое доблестное дѣло. Я жду хорошихъ результатовъ только отъ союзныхъ армій; нуженъ крестовый походъ, чтобы обуздать этихъ разбойниковъ и вождей, хорошо понимающихъ, что для нихъ одно спасеніе—побѣда, и готовыхъ биться или умереть. Однако при сохраненіи всеобщаго согласія можно будетъ справиться съ этой Франціей, и, надѣюсь, теперь потребуютъ другихъ залоговъ въ ея спокойствіи, чѣмъ тѣ, какими пытались удовольствоваться въ 1814 г. Но, повѣрьте, первымъ и наиболѣе важнымъ изъ этихъ залоговъ будетъ скипетръ въ рукахъ законнаго короля. На этомъ основаніи покоится наслѣдственность всѣхъ престоловъ въ царствующихъ династіяхъ.

Такъ какъ графъ Марковъ не можетъ ѣхать въ Ниццу, онъ везетъ дочь въ Баденъ близъ Вѣны, гдѣ она будетъ пользоваться ваннами, и они ѣдутъ немедленно. Скажите мнѣ, выступитъ ли гвардія, да или нѣтъ; это вопросъ занимающій здѣсь всѣхъ на основаніи получаемыхъ извѣстій.

Прадель и г. Апраксинъ прервали меня, чтобы сообщить хорошія вѣсти Волконскаго, которымъ я не вѣрю, но которыя полиція печатаетъ и раздаетъ въ видѣ бюллетеней.

Княжна Туркестанова.

С. Петербургъ, 20 Апрелья.

Не писала Вамъ на прошедшей недѣлѣ, такъ какъ не могла сообщить ничего особеннаго. Раздумавъ хорошенько, я не хочу писать вамъ больше слуховъ, которые ходятъ здѣсь, потому что все пустяки; нѣтъ ни слова правды во всѣхъ прекрасныхъ вещахъ, сообщенныхъ Вязмитинову и полученныхъ въ Пасхальную ночь. Вы, напротивъ, знаете все, что случилось съ герцогомъ Ангулемскимъ, и что во Франціи не осталось ни одного Бурбона. Людовикъ XVIII видѣлъ сонъ, да и то не изъ особенно пріятныхъ. Послѣдній номеръ Монитера очень любопытенъ; вы прочтете тамъ рапортъ Коленкура и еще другую замѣтку, очевидно разъясняющіе договоръ, заключенный въ Фонтенебло между союзниками и Бонапарте.

Объ отказѣ аббату здѣсь сообщилъ Сень-При; онъ передалъ извѣстіе госпожѣ Гурьевой, не называя васъ, и г-жѣ Тутолминой у княгини Voldemar, говоря, что графъ былъ очень недоволенъ имъ; что онъ ихъ не разлучалъ, но что г. Крестинъ добился этого отказа во время своего путешествія въ Подольскую губернію. Я его прервала, чтобы не продолжать разговора, и на томъ все кончилось.

Вы, однако, напрасно заподозрили бы г. С.-При въ желаніи повредить вамъ; вовсе нѣтъ: онъ сказалъ это такъ, мимоходомъ, и мнѣ кажется, г-жа де Нуазевиль преувеличила вину. Что я говорю вамъ—чистѣйшая правда: на слѣдующее утро я заговорила объ томъ съ г. С.-При, и его отзовы о васъ вовсе не враждебны, и поэтому прошу васъ мысленно примириться съ нимъ. Пока же скажу вамъ, что ни я, ни г-жа де Нуазевиль, ни княгиня Борисъ не говорила объ этой исторіи во всеуслышаніе; только мы трое посвящены въ Летичевскую исторію.

Въ прошедшій понедѣльникъ я обѣдала у г-жи Новосильцевой, гдѣ встрѣтила г-жу Тутолмину, которая, взявъ меня подъ руку, стала спрашивать объ отказѣ аббату; она замѣтила, что я оборвала разговоръ съ С.-При, когда онъ повелъ его на эту тему. Я отвѣтила, что г. Марковъ давно жаловался на аббата, но что мнѣ не извѣстно, какъ они разстались. Она, въ свою очередь, сказала, что были исторіи, о которыхъ я должна знать. „Правда, я кое-что слышала,—возразила я,—но не могу удовлетворить вашему любопытству,

потому что не желаю компрометировать лицъ, съ которыми близка“. Мой отвѣтъ былъ настолько опредѣленнымъ, что г-жа Тутолмина прекратила свои вопросы, но повторила, что всегда была хорошаго мнѣнія объ аббатѣ, и это составляло предметъ споровъ между нею и ея сестрой, графиней Паниной, которая терпѣть его не могла.—И вѣроятно, не безъ причины?—„Можетъ быть,—отвѣтила она,—моя belle soeur никогда мнѣ объ этомъ не говорила, но, дѣйствительно, она не можетъ слышать его имени“. Нашъ разговоръ не пошелъ дальше. Но вчера я очень удивилась, когда г-жа Гурьева сообщила мнѣ, что получила длинное письмо отъ графа Маркова, сообщающаго ей объ отказѣ аббату и о причинахъ вызвавшихъ разрывъ. Не знаю, коснулся ли графъ нѣкоторыхъ подробностей, но могу сказать одно, что г-жа Гурьева назвала Николая, возмущалась поведеніемъ аббата и, какъ всегда склонная къ крайностямъ, выпалила, что всѣхъ іезуитовъ и аббатовъ слѣдуетъ перевѣшать. Я дала ей высказаться и, пользуясь случаемъ, замѣтила: „Разъ вы относитесь къ этому дѣлу такъ, то мнѣ жаль, что вы не могли лично судить о поведеніи Кристина. Я увѣрена, что все ваше предубѣжденіе, если вы еще имѣете его, исчезло бы. Онъ держалъ себя какъ истинный другъ Маркова и поѣхалъ въ Подолію только, чтобы доставить удовольствіе графу, потому что желанія отправляться туда у него было не больше, чѣмъ у меня“. Я увѣрена, что мои рѣчи не пропали даромъ; но больше не было сказано ничего, такъ какъ подошелъ г. Гурьевъ.

Кристинъ.

Москва, 6 Мая.

Вы видѣли изъ моего послѣдняго письма къ мадамъ де Нуазевиль, что я зналъ о письмѣ графа къ г-жѣ Гурьевой. Я не счелъ нужнымъ скрывать этого отъ г-жи де Нуазевиль, такъ какъ мнѣ кажется, что она поступила вполнѣ добросовѣстно и честно. Я увѣренъ, что она ничего не сообщаетъ княгинѣ Борисъ о сумасбродствахъ ея сына; но я считаю долгомъ доказать, что этотъ сынъ лжетъ, говоря, что онъ помирился съ г-номъ Марковымъ, и для доказательства посылаю собственноручныя письма съ просьбой, чтобы они не шли дальше рукъ г-жи де Нуазевиль и вашихъ и вернулись ко мнѣ. Изъ посылаемаго сегодня вы увидите, въ какихъ отношеніяхъ графъ былъ къ Николаю, когда онъ болѣлъ въ Каменцѣ, и убѣдитесь въ лживости увѣренія молодого человѣка, что онъ примирился. Надо судить о людяхъ по поступкамъ, а не по словамъ. Вы увидите также изъ отвѣта графа

Маркова на нѣсколько писемъ аббата, до какихъ безумствъ доходилъ несчастный, когда увидаль, что его лицемѣріе обнаружено. Прошу Васъ сохранить эту копію, чтобы воспользоваться ею, какъ и когда Вамъ заблагоразсудится. Въ письмѣ не упоминается о Николаѣ; если оно могло бы компрометировать когонибудь, кромѣ аббата, то, конечно, меня—въ виду заключающагося въ немъ обвиненія; но я не боюсь этого. Вѣроятно негодование графа достигло высшаго предѣла, если онъ написалъ это письмо. За 20 лѣтъ, въ продолженіи которыхъ я знаю его и слѣдилъ за нимъ въ его общественной и личной жизни, онъ ни разу не выражался подобнымъ языкомъ и не позволилъ себѣ высказать такого презрѣнія къ кому бы то ни было. Вы видите, что графъ не отворачивается отъ меня, какъ думала мадамъ де Наузевиль; его письмо къ ней доказываетъ то же, и я предполагаю, что она уже прочла Вамъ его.

Благодарю Васъ за Ваши старанія обо мнѣ у г-жи Гурьевой и желаю Вамъ полнаго успѣха; но признаюсь, что не особенно дорожусь мнѣніемъ, потому что оно не основано ни на чемъ, и это не даетъ мнѣ хорошаго понятія о положительности ея образа мыслей. Напротивъ, я очень тронута справедливостью, которую Вы мнѣ оказываете и которой я заслуживаю. Будьте увѣрены, что будущее покажетъ что такое Николай; у него голова не въ порядкѣ, это несомнѣнно; въ рукахъ фанатика онъ могъ бы превратиться въ послушное орудіе; при случаѣ изъ него можно бы выработать второго Жака Клеманъ. Надѣюсь, что теперь все сказано по этому вопросу. Напишите мнѣ, ѣдетъ ли онъ съ своимъ полкомъ; графъ мнѣ ничего не сообщаетъ объ этомъ.

Вы скоро увидите молодыхъ съ отцомъ и матерью, такъ какъ г-жа Толстая тоже ѣдетъ съ ними; но вотъ уже недѣля, какъ они все выѣзжаютъ черезъ недѣлю, и, можетъ быть, останутся здѣсь дольше чѣмъ думаютъ. Я довольно часто видалъ Гурьева, и онъ мнѣ нравится, но въ нѣкоторыхъ кружкахъ принято называть его педантомъ; я не раздѣляю этого мнѣнія, увѣряю Васъ. У него много здраваго смысла, и онъ прямъ; это, безъ сомнѣнія, первыя качества въ мужчинѣ; притомъ онъ уменъ и если выражается не особенно легко, то это еще не доказательство, что онъ не сообразителенъ; далеко нѣтъ. Не знаю, правильно ли мое сужденіе о немъ. Не сомнѣваюсь, что Eudoxie будетъ очень счастлива съ нимъ; она уже любитъ его, и со времени выхода замужъ совершенно измѣнила свой тонъ. Я вчера обѣдалъ у нея за-просто; графиня вошла съ сіяющимъ лицомъ и изъ дверей гостиной

крикнула мнѣ: „Ахъ, милый Крестинъ, еслибъ вы знали, какое счастье обѣдать у дочери“. Ни одна свадьба не была такъ пріятна роднымъ. Вамъ бы слѣдовало посовѣтовать графу Толстому прямо отправиться въ главную квартиру, и для него и для дѣла это было бы самое лучшее; но ему не хочется, и лѣнь влечь его въ сады Троицкаго больши, чѣмъ въ среду придворныхъ волненій.

Княжна Туркестанова.

С. Петербургъ, 4 Мая.

Я почти рѣшилась не передавать Вамъ никакихъ новостей, но дѣла въ Италіи идутъ великолѣпно, и объ этомъ есть официальное извѣстіе. Мюратъ разбитъ на всѣхъ пунктахъ; генералы Фримонтъ и Біанки отбросили неаполитанцевъ къ Анконѣ, и вся Папская область, а также герцогство Тосканское, свободны.

Г. Литта поднялъ голову и начинаетъ надѣяться; говорили, что Мюратъ былъ принужденъ сѣсть на корабль; что сицилійцы вступили въ Неаполь; но это еще не достовѣрно. Что же касается полного пораженія Мюрата, это совершенная правда: Императрица сообщила намъ вчера объ этомъ на своемъ вечерѣ. Что происходитъ въ Парижѣ, объ этомъ никто ничего не знаетъ: сношеніе съ этимъ городомъ, повидимому, прервано; говорятъ, что Люсьенъ вернулся въ Швейцарію; не знаю, правда ли это; но будетъ ли онъ жить въ Швейцаріи или гдѣ въ другомъ мѣстѣ, онъ останется мошенникомъ, за которымъ надо зорко слѣдить.

Я два раза ѣздила на Каменный Островъ; все начинаетъ зеленѣть за городомъ; я люблю берега Невы и всегда выношу изъ поѣздки туда спокойное удовольствіе, которое очень цѣню. Вчера былъ великолѣпный день, г-жа Гурьева возила меня на лодкѣ къ себѣ на дачу; я отвезла Catherine къ Свистунову, гдѣ предполагаю жить. Мы выбрали себѣ комнаты, и если ничто не нарушитъ наши планы, мы, думаю, проведемъ пріятное лѣто. Гурьевы ждутъ съ нетерпѣніемъ свою невѣстку; я отъ души желаю, чтобы она имъ понравилась; ей отдѣляютъ прелестную квартиру къ зимѣ; а пока она поселится на Каменномъ Островѣ, и у нея закружится голова, когда она очутится въ большомъ свѣтѣ. Боюсь, что ея горе отъ разлуки съ мужемъ скоро разсѣется.

Кристинь.

Москва, 24 Мая.

Вполнѣ раздѣляю Ваше огорченіе по поводу выступленія гвардіи, лишающаго Васъ помѣщенія на Каменномъ островѣ; вотъ Бонапартъ затронулъ и Васъ лично; нѣтъ ни одного человѣка во всей Европѣ, котораго этотъ разбойникъ не обезпокоилъ бы такъ или иначе. „Повѣсите его! Повѣсите!“—вотъ общее требованіе. Но увидите, что его не повѣсятъ. Однако, не огорчайтесь, найдете, гдѣ пристроиться, и г-жа Гурьева будетъ очень рада имѣть Васъ у себя въ домѣ для дебюта *Eudoxie*, если только ея деревенскій домъ не окажется дѣйствительно слишкомъ тѣснымъ, чтобы помѣстить васъ и сестру. Вѣроятно не знали о выступленіи гвардіи, когда княгиня Вогіс выѣхала; иначе я посоветовалъ бы Вамъ четырехмѣсячное пребываніе въ Симѣ: прекрасная погода, большая экономія, многочисленное общество; а въ Сентябрѣ—возвращеніе во дворецъ и городское общество на осень и зиму. Теперь уже поздно, но, повторяю Вамъ, Вы устройтесь, и даже, думаю, что уже устроились. Г-жа де Литта, г-жа Юсупова или г-жа Гурьева—ктонибудь отзовется. Послѣдняя мнѣ не улыбается; я помню дрова прошлой осени. Но ея сестра Литта, такая богачка, должна быть въ восторгѣ.

Графъ Марковъ пишетъ мнѣ въ двухъ письмахъ, что открытыя имъ неблаговидные поступки со стороны Николая заставляютъ его сожалѣть о его снисхожденіи. Ложь, тайный развратъ, фанатизмъ, а по временамъ и пьянство—вотъ главныя свойства молодого князя.

Мнѣ интересно знать, какой успѣхъ имѣла молодая въ своей новой семьѣ. Вы, конечно, можете быть ей чрезвычайно полезны своими совѣтами. Совѣтъ не прыгать черезъ стулья, чтобы найти свое мѣсто, тоже не лишній здѣсь: это съ ней случилось и послѣ замужества, въ минуты веселости.

У насъ положительно голодъ на новости; но онъ будетъ продолжаться не долго, и скоро мы узнаемъ, что первое столкновеніе произошло. Дай Богъ, чтобы результатъ соответствовалъ моему желанію: если между союзниками сохранится согласіе, то думаю, что мошенника скоро припрутъ къ стѣнѣ. Надѣюсь, что его уже не отправятъ на Эльбу и не станутъ считать вождей этого разбойника за Баярдовъ, Тюренновъ, Кондэ, съ которыми можно договариваться и слову которыхъ можно

вѣрить. Не подумали о людяхъ и ихъ принципахъ и оказали почетъ такимъ лицамъ, которыхъ слѣдовало уничтожить, потому что честными людьми они никогда не могли быть. Повторяю тоже о революціонерахъ, составляющихъ кабинетъ, и никогда не соглашусь, что интересы короля въ хорошихъ рукахъ, когда онъ поручаетъ ихъ Таллейрану, извѣстному только своей глубокой безнравственностью,—человѣку, начавшему вѣроотступничествомъ, измѣной королю и порядку, при которомъ родился.

КРИСТИНЬ.

Москва, 29 Мая.

Передайте, прошу Васъ, вмѣстѣ съ моимъ почтеньемъ, графинѣ Толстой, что дѣти ея вполнѣ здоровы; но они положительно невидимы: я четыре раза заходилъ къ нимъ и не видалъ ихъ. Одинъ разъ мадемуазель Куэно отвезла ихъ въ Узкое, другой разъ они гуляли, третій разъ уже спали въ 9 часовъ, а потомъ были въ гостяхъ. Кто подумалъ бы, что мадемуазель такая подвижная? Впрочемъ, она поступаетъ правильно: погода великолѣпная, и для дѣтей это передвиженіе полезно. Вмѣсто нихъ я видѣлъ калмычку. Эта калмычка одна изъ моихъ пріятельницъ. Она смѣется при каждой встрѣчѣ со мной. Она увѣряетъ, что все у графини въ полномъ порядкѣ. Надѣюсь, что также обстоитъ и съ тою частью семьи, которая уѣхала въ Петербургъ, и что разлука съ зятемъ, какъ она ни тяжела столь скоро послѣ свадьбы, не стала причиной ничьей смерти. Говорю Вамъ это потому, что у насъ на Тверской одна дама—забылъ ея фамилію,—отравилась изъ за измѣны мужа. Она умерла, а передъ смертью сказала духовнику, что вовсе не жалѣетъ о своемъ поступкѣ, разъ мужъ оказался способенъ искать развлеченій подобнаго рода. У несчастной осталось шестеро маленькихъ дѣтей и мужъ въ отчаяніи. Увѣряютъ, что наканунѣ катастрофы жена застала его въ подозрительной близости съ горничной, но говорятъ, что онъ въ первый разъ позволилъ себѣ подобное развлеченіе. Если пойдетъ мода вѣшаться изъ за подобныхъ приключеній, не мало у насъ окажется вдовцовъ.

Надо Вамъ рассказать чудесную новость, занимающую здѣсь всѣхъ. Одна дѣвица заболѣла этой весной весьма странной болѣзью; она смѣялась, плакала, пѣла, кувыркалась, прыгала черезъ стулья, какъ будто сошла съ ума, но оставалась, между тѣмъ, вполнѣ здоровой. Кончилось все горячкой, перешедшей въ родъ летаргіи. Больная потеряла способность видѣть и глотать. Три дня нельзя было заставить

ее проглотить что-нибудь, и считали, что ее конецъ близокъ. Доктора окончательно приговорили ее къ смерти. Одной горничной пришло въ голову потереть ей желудокъ *мятными* каплями; и вдругъ дѣвица не говорившая и лежавшая впродолженіи трехъ дней, воскликнула: „Ахъ, какъ хорошо! Дай еще!—Чего дать?—Этой мятной воды.—Вы ее не пили.—Нѣтъ пила!“ Хотѣли ей дать проглотить нѣсколько капель, но не было возможности: спазма въ горлѣ мѣшала глотать. Потерли еще желудокъ, и больная снова была въ восхищеніи отъ подкрѣпляющаго лѣкарства, которое она „пьетъ.“ — „Не хотите ли покушать?—Умираю съ голоду“. Подали бульона; та же невозможность проглотить; обмокнули въ бульонъ салфетку и приложили на желудокъ, спрашивая, что она кушаетъ.— „Отличный бульонъ“,—отвѣтила она. На слѣдующій день ей приложили котлету, и больная восхищалась вкусомъ телятины. Такимъ образомъ ее скоро подкрѣпили, прикладывая ей къ желудку все, что ей слѣдовало глотать. Она указываетъ также лѣкарства, которыя надо употреблять такимъ образомъ; глаза ея не открываются. Она видитъ желудкомъ. Однимъ словомъ, это случай полного магнетизма, и все это совершенная правда: это мнѣ рассказывалъ Николай Сергѣевичъ Всеволожскій, начальникъ медицинской коллегіи, а всѣ знаютъ что Всеволожскій никогда не лжетъ. Можно бы пожелать, чтобы подобная манера питаться распространилась, особенно среди бѣдняковъ; одной котлеты было бы достаточно для цѣлой семьи по крайней мѣрѣ на недѣлю; можно было бы одолжать сосѣдямъ, не рискуя отнимать кусокъ изо рта у своей семьи.

Княжна Туркестанова.

С. Петербургъ, 28 мая.

Приѣздъ графини Толстой и нездоровье Татьяны заставили меня бѣгать отъ одной къ другой; кромѣ того г. Рибопьеръ все боленъ и безконечно тревожить меня. Онъ боленъ уже шесть недѣль: сначала была перемежающаяся лихорадка, продолжавшаяся 15 дней. Онъ выѣхалъ, чтобы проститься съ княгиней Vogis, и вернувшись, заболѣлъ другой формой лихорадки: у него нѣтъ озноба, но изнурительный жаръ съ потомъ, ослабляющимъ его каждый разъ до такой степени, что послѣ припадка онъ еле шевелитъ языкомъ. Притомъ онъ до крайности мнителенъ: тревожится самъ и пугаетъ всѣхъ; каждый день его навѣщаютъ два врача-англичанина, изъ которыхъ одинъ—Крейтонъ, и общають быстрое выздоровленіе; онъ имъ не вѣритъ ни на волосъ и постоянно повторяетъ, что они сами не знаютъ, что говорятъ. Я ежедневно навѣщаю его утромъ и послѣ обѣда или вечеромъ.

Княжна Туркестанова.

С. Петербургъ, 13 Мая.

Мы вчера обѣдали у Потемкина, и мнѣ пришлось сидѣть рядомъ съ княгиней Мишель. Она старалась изо всѣхъ силъ занимать меня, и начиная съ горячаго до третьей перемѣны я находила ее забавной; но послѣ шпината и спаржи она уже стала утомлять меня, за десертомъ и мороженымъ мнѣ уже сдѣлалось нестерпиво, и голова пошла кругомъ. Нѣтъ, она неприятная собесѣдница, она только забавна по временамъ, но пріятности въ томъ смыслѣ, какъ мы ее понимаемъ, въ ней нѣтъ, увѣрю васъ. Вообще я не люблю теперь блестящаго разговора; я предпочитаю тихую, спокойную бесѣду, разумную, безъ волненій, безъ особенныхъ остротъ и остроумія; единственное, что нравится мнѣ—это остроуміе Вальпола: оно не дѣйствуетъ на мой желудокъ: что же касается всего прочаго—для меня все кончено.

Изъ послѣднихъ извѣстій отъ графини Толстой заключаю, что она пріѣдетъ черезъ недѣлю: ѣду сегодня въ домъ Остермана, чтобы ей приготовили помѣщеніе. Квартира Еudoxie уже готова у ея новыхъ родственниковъ, которые съ нетерпѣніемъ ожидаютъ ее. Я жду ее съ нѣкоторой боязнью, которую не могу скрыть отъ васъ. До смерти боюсь, чтобы она не сказала какой глупости; если мнѣ удастся поймать ее на минуту, я ее отчитаю. Хорошо, что мать пріѣхала съ ней: надѣюсь, она направитъ ея первые шаги; впоследствии я предвижу не мало возни, потому что г-жа Гурьева постоянно повторяетъ: „Милая княжна, вы другъ ея родителей, знаете ее съ дѣтства; остановите ее, если понадобится: окажите мнѣ эту дружескую услугу; мнѣ кажется, лучше будетъ, если совѣтъ ей подадите вы, чѣмъ кто либо изъ семьи; не надо ее возстановлять, озлоблять и т. п. „Однимъ словомъ, повидимому, желаютъ превратить меня въ ея гувернантку. Съ удовольствіемъ возьму на себя эту обязанность, если она станетъ слушаться меня, иначе роль сдѣлается слишкомъ трудной, и въ концѣ концовъ Еudoxie можетъ меня возненавидѣть. Я раздѣляю Ваше мнѣніе о ея мужѣ: это вполне порядочный молодой человекъ, одаренный хорошей головой.

Еudoxie родилась въ сорочкѣ въ этомъ отношеніи. Дай Богъ только, чтобы она сумѣла оцѣнить его, какъ онъ того достоинъ. Сестрѣ ея Софѣ можетъ попасться мужъ болѣе эlegantный, но лучший—никогда.

Кристинь.

Москва, 17 Мая.

Мой слуга три часа бѣгаетъ по городу, отыскивая мѣстожителство кривой княгини Трубецкой, у которой должна остановиться княгиня Грузинская. Оказывается, что кривой княгинѣ пришла мысль поселиться около острога, въ ужасной мѣстности, гдѣ никто не бываетъ и никто никого не знаетъ. Я съ нетерпѣніемъ ожидаю возвращенія посланнаго, чтобы получить ваши письма и записочку г-жи де Нуазевиль; но еще пріѣхала-ли старая княгиня?

Толстые и Гурьевы уѣхали вчера вечеромъ при ужасной погодѣ; дождь лилъ шесть часовъ не переставая, а г-жа Толстая едва оправилась отъ довольно серьезной болѣзни, повторяющейся чаще, чѣмъ слѣдовало бы; боюсь, какъ бы путешествіе не повредило ей.

Eudoxie немного всплакнула, прощаясь съ братьями и сестрами. Мнѣ кажется, что она любитъ своего мужа; но родители все же еще стоятъ на первомъ планѣ, и по моему это дѣлаетъ честь ея сердцу, потому что, если нѣтъ страсти (которая заглушаетъ все), нельзя любить новое лицо такъ же, какъ тѣхъ, съ кѣмъ провелъ жизнь.

Это вполне разумный бракъ со стороны мужа, который все рассчиталъ, и не было ни малѣйшаго увлеченія ни съ одной, ни съ другой стороны. Первое время, которое англичане называютъ *медовымъ мѣсяцемъ*, не будетъ такъ пріятно, какъ при бракахъ по склонности, но союзъ можетъ быть тѣмъ счастливѣе въ будущемъ: ни тотъ ни другой не испытаютъ разочарованія, и повязка не спадетъ съ глазъ.

Кривая княгиня сообщаетъ, что княгиню Грузинскую ждутъ на дняхъ.

Княжна Туркестанова.

С. Петербургъ, 17 Мая.

Извѣстіе о выступленіи гвардіи разсѣяло всѣ наши прекрасные планы о лѣтѣ у г-жи Потемкиной; такъ какъ мужъ ея уѣзжаетъ, то она поѣдетъ черезъ двѣ недѣли къ матери въ Симу; но отвезетъ ее мужъ, такъ какъ, состоя адъютантомъ при баронѣ Розенѣ, онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи два мѣсяца, которыми воспользуется, чтобы

отвезти Татіану къ родителямъ, пробыть нѣсколько дней съ нею и отправиться въ Ковно.

Въ Петербургѣ суетня, гвардіей запружены всѣ улицы; всѣ дѣлають приготовленія къ выступленію; скоро городъ опустѣеть. Не могу безъ содроганія подумать о томъ, что придется лѣто прожить во дворцѣ; въ жары тамъ задыхаешься. становится просто невыносимо. И къ тому еще ни малѣйшаго развлеченія; всѣ въ деревнѣ, а чтобы провести иногда вечеръ на Каменномъ Островѣ, надо имѣть экипажъ, котораго у насъ нѣтъ. Конечно, будь я одна, я бы нашла, гдѣ помѣститься, хотя бы у г-жи Литта, но съ сестрой и двумя горничными—это становится затруднительнымъ, невозможнымъ. и Богъ знаетъ, что съ нами будетъ; но, увѣряю Васъ, что мысль объ этомъ мнѣ не пріятна, чѣмъ слѣдовало бы; это оттого, что Catherine, хотя и поправляется, все же требуетъ ухода: воздухъ и движеніе ей необходимы. Что она будетъ дѣлать въ городѣ, гдѣ о прогулкѣ и думать нечего? Однимъ словомъ, я въ большомъ затрудненіи, и не знаю какъ изъ него выйду, если небо не поможетъ. Мы получили извѣстіе о смерти княгини Голицыной, матери Θεодора; ея сестры. Литта и Юсупова очень огорчены, особенно послѣдняя; я вижу съ ними каждый день послѣ полученія извѣстія о ихъ потерѣ.

Θеодоръ рассказываетъ о смерти матери, дѣйствительно какъ будто роковой, какъ то неопредѣленно.

Что касается Татіаны, она натворила глупостей, отъ которыхъ чуть не выкинула. Въ тотъ день, когда ожидали Eudoxie она отправилась разыскивать ее, нарядившись и даже безъ манто, чтобы не измятъ новаго капота: погода была въ этотъ день холодная и отвратительная; Eudoxie еще не пріѣхала, и Татіана вернулась съ мучительной болью въ поясницѣ. Мужъ ея запиской просилъ меня пріѣхать къ ней; я застала ее въ постели, обложенной горячими салфетками: бѣдняжка плакала, воображая, что выкидышь неминуемъ, но къ счастью его предотвратили; однако ей пришлось недѣлю пролежать на спинѣ. Мы съ Catherine поочередно дежурили около нея. Также мы станемъ дежурить и при Eudoxie, которая была въ восторгѣ, заставъ насъ въ день пріѣзда у сверкови. Она была такъ смущена, что едва поднимала глаза. Г-жа Толстая, никогда не думающая о первомъ впечатлѣніи, не дала себѣ труда нѣсколько позаботиться о туалетѣ дочери, такъ что Eudoxie появилась въ гостиной грязная, въ какомъ то старомъ ночномъ чепцѣ, взмятой шляпѣ, безъ корсета—однимъ словомъ въ самомъ

ужасномъ видѣ. Но г-жу Толстую, какъ всегда, вывезло счастье. Eudoxie нашли хорошенькой, отецъ мать. сестры—всѣ восхищались ею. Я мысленно благодарила Бога, что Онъ очаровалъ глаза всѣхъ и, конечно, какъ можете догадаться, поддерживала благоприятное впечатлѣніе. Eudoxie осыпали ласками. Послѣ обѣда ей показали ея комнаты, которыми она очень довольна. Я пробыла съ ней до двѣнадцати часовъ ночи. У горничныхъ Eudoxie сломался экипажъ въ Ижорѣ, и онѣ тамъ остались въ ожиданіи починки, такъ что она очутилась безъ бѣлья и не могла лечь спать, такъ какъ не хотѣла, чтобы ее раздѣлъ кто нибудь изъ домашней прислуги. Мнѣ пришлось послать за моей *длинной*; которая знакома Eudoxie не меньше ея собственныхъ горничныхъ, и она переодѣла ее на ночь въ мое бѣлье. На слѣдующее утро Eudoxie была хорошо причесана, хорошо одѣта: корсетъ пришелся впору, и ея появленіе въ гостиной произвело еще лучшее впечатлѣніе, чѣмъ наканунѣ. Однимъ словомъ, она нравится всѣмъ и, повторяю, г-жа Толстая счастлива, какъ рѣдкая мать. Надѣюсь, что избранное общество, среди котораго Eudoxie постоянно придется вращаться, сгладитъ нѣкоторую рѣзкость и тривіальность, пріобрѣтенныя въ обществѣ г-жи Смирновой, и что благоразуміе и серьезность Гурьева повліяютъ и на ея умъ. Ея характеръ—совершенно непонятная смѣсь ума и наивности; на примѣръ она говорила мнѣ, заливаясь слезами: „Княжна, если мужъ мой отправится на войну и не вернется? Боже какое несчастье! Я люблю его больше папы, больше мамы, больше всѣхъ; нѣтъ я умру съ горя, или уйду въ монастырь. стану служить Богу; да, непременно“. — „Вы съ ума сошли, — отвѣтила я ей, — зачѣмъ воображать себѣ подобное несчастье; молитесь, просите Бога хранить дни вашего мужа и не говорите всѣхъ этихъ лишнихъ вещей“. Пока я ее успокоивала, она продолжала плакать, а потомъ вдругъ вытерла глаза и начала болтать о вышивкахъ и шляпахъ съ такимъ изумительнымъ увлеченіемъ, что я только смотрѣла на нее, не говоря ни слова. Вообще въ ней много странностей. Она призналась мнѣ, что вечера свекрови очень скучны, и молодыя дамы, которыхъ она тамъ встрѣчаетъ, для нея слишкомъ умны. Молодая княгиня Долгорукая, жена Базиля, прелестна, также какъ Катишь Гагарина; притомъ же онѣ вращаются въ обществѣ пять или шесть лѣтъ; онѣ пріобрѣли манеры и привлекательность, дѣлающія ихъ обаятельными. Eudoxie, хотя немного моложе ихъ, по своему воспитанію, а особенно, благодаря обществу, въ которомъ вращалась у матери, очень отстала отъ своихъ лѣтъ. Но надѣюсь, все исправится. Когда г-жа Толстая уѣдетъ, и мужа ея не будетъ, ей волей-неволей, придется справляться одной. Гурьевъ кажется очень счастливъ; онъ ухаживаетъ за женой и почтителенъ съ родителями.

Графиня Толстая весь день мечется: дѣлаетъ визиты. ужинаетъ у своей тетки, жены Владиміра. обѣдаетъ то у однихъ, то у другихъ: она вѣчно спѣшитъ, и право не понимаю, какъ ее хватаетъ на такой образъ жизни. Мнѣ кажется, они пробудутъ здѣсь дольше, чѣмъ предполагали. Графъ долженъ написать Императору, чтобы получить приказаніе, куда ему отправиться: я сначала совѣтовала ѣхать въ главную квартиру: но думаю, что онъ сдѣлаетъ лучше, поступивъ, какъ намѣренъ. Государь велѣлъ ему быть въ Петербургъ къ Его пріѣзду, не предвидя новой войны: онъ пріѣхалъ, и не заставъ Его Величества. долженъ, само собой разумѣется, написать Ему, чтобы знать, какъ распорядиться съ собой. Я думаю, что ему слѣдуетъ дождаться отвѣта здѣсь. Мнѣ кажется, что ему хочется служить. Софи Толстая въ восторгѣ, что ее привезли сюда; ея личико доставляетъ ей большой успѣхъ: она была на вечерѣ у г-жи Гурьевой, и ее нашли очень хорошенькой; но по моему совѣту, ее туда больше не повезутъ: она еще слишкомъ молода, чтобы выѣзжать: она будетъ проводить вечера у маленькихъ Строгоновыхъ, что гораздо болѣе подходитъ для нея.

Мы получили изъ Италіи прекрасныя вѣсти: все тамъ идетъ великолѣпно. Въ Германіи вооруженный корпусъ Саксена уже значительно подвинулся впередъ; дивизія Воронцова находится въ Нюрнбергѣ. Что же касается происходящаго въ Парижѣ, совѣтую Вамъ обратиться къ газетамъ.

